

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Арсеньев

ДЕРСУ УЗАЛА

Владимир Клавдиевич Арсеньев
Дерсу Узала
Серия «В дебрях
Уссурийского края», книга 2
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917845

Дерсу Узала: Детская литература; М.; 2015

ISBN 978-5-08-005382-5

Аннотация

В романе исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева (1872–1930) «Дерсу Узала» рассказывается об экспедиции по Уссурийскому краю, предпринятой ученым в 1907 г. Книга посвящена проводнику этой экспедиции, гольду Дерсу Узала, обучавшему членов отряда житью в тайге и спасавшему их от опасностей. Роман познакомит читателя с природой Уссурийского края и народами, населяющими его, их бытом, обрядами и легендами. Арсеньев правдиво и увлекательно повествует о жизни в тайге, где каждый неверный шаг грозит охотнику смертью, где животных убивают не для развлечения или ради трофеев, а для пропитания, где люди помогают

друг другу выжить, не прося ничего взамен. Роман «Дерсу Узала» включен в перечень «100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемых школьникам к самостоятельному прочтению». Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Его окружал таинственный и молчаливый лес	7
Дерсу Узала	18
I	18
II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Владимир
Клавдиевич Арсеньев
Дерсу Узала**

© Яроцкая Ю. А., предисловие, 2015

© Бастрыкин В. В., иллюстрации, 2015

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

В. И. Успенский

1872–1930

Его окружал таинственный и молчаливый лес

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) вошел в мировую историю как исследователь Дальнего Востока России, изучению которого он отдал многие годы своей жизни. Его имя входит в перечень имен ста величайших путешественников мира. Арсеньев – исследователь-универсал, внесший свой вклад в географию, ботанику, орнитологию, зоологию и, конечно, этнографию. Он написал множество научных работ (известны около девяноста прижизненных изданий книг и статей исследователя). Арсеньев обладал также талантом писателя и создал ряд научно-художественных книг, в которых рассказал о своих экспедициях по Дальнему Востоку. Эти произведения переведены на тридцать языков народов мира.

Описание путешествий – очень древний литературный жанр. Произведения древнерусской литературы являются не только памятниками словесности, но и источниками исторических, этнографических, географических знаний. Описания далеких земель встречаются уже в средневековых русских летописях. Примером тому может послужить помещенный в начало «Повести временных лет» рассказ о разделе Ноем земли после потопа. По сути, это историко-этно-

графо-географическое введение, позволяющее нам судить о границах мира, который был известен образованным людям Руси к началу XII века. Описанием путешествия является «Хождение игумена Даниила в Святую землю». Его автор, игумен Даниил, одним из первых сформулировал жанровые признаки литературы путешествий. По его словам, важно, чтобы путешественник был влюблен в описываемую землю и имел хорошего проводника (образ своего проводника игумен-путешественник запечатлел в книге), а само произведение должно сообщать читателю полезные для его образования сведения, быть написано понятным языком.

В отличие от многих других жанров средневековой русской литературы, исчезнувших к XVIII веку, описания путешествий продолжают свое существование. Писатель становится в это время властителем дум. В русской литературе этого времени появляются философские романы-путешествия: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790), «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1797). В XIX веке – «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина (1836), «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова (1858), «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского (1863), «Остров Сахалин» А. П. Чехова (1895). Писатели уделяют большое внимание социальным проблемам, вопросам национального пути развития, сравнению «своего» и «чужого» культурного пространства.

Судьба и творчество Владимира Клавдиевича Арсенье-

ва тесно связаны с теми процессами, которые происходили в русской жизни во второй половине XIX века. Так случилось, что его семья оказалась в эпицентре эпохальных событий. Жизнь Российской империи второй половины XIX века определялась реформами, важнейшей из которых было освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 году. Огромное количество людей отныне имело возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Родители Арсеньева были выходцами из крепостных крестьян. Они получили вольную еще до отмены крепостного права. Большая семья (родители, девять родных детей и приемная дочь, две бабушки) жила в Петербурге. Судьба отца Владимира Клавдиевича является примером того, чего человек, обладающий свободой, которой были лишены его предки, и личными качествами, мог в условиях пореформенной России достичь трудом и упорством. Клавдий Федорович прошел путь от кассира до начальника движения Московской окружной железной дороги. Обычаи в семье были патриархальными. Пока дети росли, семья жила скромно. Клавдий Федорович получил только домашнее воспитание, однако он считал, что путь в жизни открывает хорошее образование. Его сын Владимир сдал экстерном экзамены в реальном училище, а затем учился в Петербургском юнкерском пехотном училище.

В семье было сильно увлечение путешествиями, и все сыновья Клавдия Федоровича Арсеньева сознательно стреми-

лись стать путешественниками. Для воплощения своей мечты Владимир Клавдиевич избрал подходящее учебное заведение. Военная служба и путешествия были тогда тесно связаны друг с другом, поскольку экспедиции преследовали как экономические, так и политические цели – укрепление и расширение границ государства.

Новое в географической науке второй половины XIX века касалось способов исследования и описания местности. В это время зарождается комплексный подход к изучению территории, создается научная традиция ее описания. Большой вклад в разработку методики исследования и описания местности внес П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Это было время больших экспедиций Н. М. Пржевальского и великой плеяды русских путешественников-географов: Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова (с этим исследователем Арсеньев вел переписку), братьев Грум-Гржимайло, И. В. Мушкетова, В. А. Обручева и многих других.

Пржевальский кроме своих знаменитых путешествий по Средней Азии также совершил экспедицию в Приморье и написал о ней книгу «Путешествие в Уссурийском крае» (1867–1869). Арсеньев вполне мог посещать публичные лекции великого путешественника в Петербурге.

После окончания юнкерского училища Владимир Клавдиевич проходил военную службу в Польше, а в 1900 году перевелся во Владивосток. Там, в окрестностях города, он сначала совершал первые небольшие учебные походы с солда-

тами, а затем и крупные комплексные экспедиции по Приморью и Приамурью, которые он сам и возглавлял.

Две первые научно-художественные книги Арсеньева, «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», были опубликованы во Владивостоке соответственно в 1921 и 1923 годах, затем публикуются еще две: «Сквозь тайгу» (1930) и «В горах Сихотэ-Алиня» (1937) (не окончена). Таким образом, можно говорить о создании Арсеньевым своеобразного цикла из четырех произведений.

В книге «По Уссурийскому краю» описываются экспедиции 1902, 1906 годов; в романе «Дерсу Узала» – 1907 года. Они, исключая путешествие 1902 года, были первыми крупными экспедициями Арсеньева и прославили автора как исследователя ранее малоизученных, а иногда и вовсе не изученных территорий Дальнего Востока. В это время его сопровождал нанец (старое название национальности – гольд) Дерсу Узала, погибший в 1908 году, за несколько месяцев до самой крупной экспедиции Арсеньева (1908–1910).

Основой повествования являются путевые дневники исследователя, поэтому многие считают, что художественные произведения с детальными описаниями природы и маршрута собственно и являются дневниковыми записями. Это в корне неверно.

Книга «В горах Сихотэ-Алиня» посвящена самой крупной экспедиции исследователя (1908–1910), «Сквозь тайгу» – экспедиции 1927–1928 годов.

Обладая огромным опытом организации и проведения экспедиций, Арсеньев делится им на страницах своих книг. Он подробно описывает этапы подготовки, снаряжение, распорядок дня в походе и распределение работы между членами отряда, принципы ведения дневника.

Ученый получал много писем с предложениями своих кандидатур для участия в экспедициях от людей всех возрастов из разных уголков страны. Для того чтобы ответить на все подобные письма разом, он изложил в своем произведении принципы формирования исследовательских отрядов.

Владимир Клавдиевич описывает местность в следующем порядке: рельеф, геологическое строение и возраст пород, водоемы, растительность и животные, особенности климата. Такой порядок описания местности, установленный во второй половине XIX века и связанный с деятельностью Семёнова-Тянь-Шанского, применяется и ныне. Описывая маршрут, автор указывает, кто и когда здесь проходил до него.

В книге «В горах Сихотэ-Алиня» Арсеньев кратко излагает историю исследования Дальневосточного края. Писатель использует в тексте названия приборов и научные термины. Научная лексика в его произведениях помогает автору создать образ рассказчика – ученого-исследователя как противоположность Дерсу, «ум которого не был заполнен книжными аксиомами». Дерсу Узала (подлинное имя проводника Дерчу Оджал) является героем двух книг Арсеньева – «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Первая встре-

ча с ним описана в романе «По Уссурийскому краю» и отнесена к 1902 году, в реальности же она произошла лишь в 1906 году. После описания мрачного, угнетающе воздействующего на людей леса появляется один из главных героев повествования, и все вокруг сразу теряет зловещие очертания, происходит перемена настроения. Дерсу называет себя «человеком» (напомним, сколь часто коренные малочисленные народы не причислялись гордыми европейцами к числу «людей»), а путешественника – «капитаном». Дверь, ведущая в мир тайги, в эту ночь приоткрылась ученому благодаря Дерсу.

Герой-рассказчик – любитель приключенческой литературы, весьма далекой от реальной жизни. Для Дерсу же книжной реальности не существует, он «читает» тайгу. Жизненные реалии ускользают от взгляда рассказчика, лес часто обманывает его. Например, природное явление, восхищающее путешественника, беспокоит Дерсу, так как свидетельствует о приближающейся непогоде. Так происходит в эпизоде из главы «Пурга на озере Ханка». Во время пурги молодой путешественник едва не погиб. Дерсу же, как опытный житель тайги, борется за спасение своей и чужой жизни. Осознав, что «капитан» не владеет таежной «грамотой» («как мальчик»), Дерсу принимает единственно возможное решение – научить его.

Образ Дерсу приобретает глубоко патриархальный характер, подчеркнутый словами «дикарь», «первобытный чело-

век», утверждением, что такой гуманизм, как у него, был присущ городским людям раньше, но потом исчез. Рассказчик ощущает своего проводника как ожившее прошлое цивилизации.

Внимательное отношение к словам и опыту Дерсу – одна из черт образа рассказчика, которая отличает его от других героев произведения. Он наделен пониманием своеобразия чужой культуры, терпимостью и негативным отношением к идее превосходства одного народа над другим (этноцентризму).

Дерсу живет в мире, который европейскому человеку часто представляется фантазмагорическим. Тем интересней должна казаться его личность. В то же время тем разительнее должно быть отличие внутренних миров двух героев. У повествователя и Дерсу большая разница в возрасте, как у сына и отца. Между ними и складываются соответствующие отношения.

В произведениях Арсеньева содержится этнографический подтекст, позволяющий знатоку разгадать тайны образа Дерсу. Например, внешность гольда необычна для представителей его национальности (русые волосы, серые глаза). Согласно верованиям народов Дальнего Востока, это свидетельствует об «избранности» человека, особом отношении к нему богов. Усердие, с которым Дерсу ищет свою потерянную трубку, может быть объяснено тем, что она являлась ритуальным предметом, оберегом и выполняет свою оберега-

ющую функцию. Во время ее поисков герой обнаруживает, что отряду грозит большая опасность – за ним крадется тигр.

Этнографы признают, что книги Арсеньева являются уникальным источником сведений о коренных народах Дальнего Востока.

Творчество и личность Арсеньева также привлекали внимание великих русских писателей. М. Горький писал Арсеньеву: «Книгу Вашу я читал с великим наслаждением... Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера...» Горький узнал о творчестве Арсеньева от М. М. Пришвина, который встретился с ученым в октябре 1928 года.

Пришвин в своих дневниках оставил запись об этой встрече и еще несколько записей, в которых размышлял о природе литературного таланта Арсеньева, хотел приехать в гости к ученому и писателю. Но Владимир Клавдиевич умер внезапно 4 сентября 1930 года во Владивостоке.

Пришвину удалось побывать в Приморье лишь в 1931 году. Под впечатлением от путешествия на Дальний Восток он написал несколько книг. Особый интерес для литературного арсениеведения представляет повесть «Женышень», в которой великий писатель отдает дань памяти великому путешественнику.

Герой-рассказчик Пришвина наделен биографическими чертами Владимира Клавдиевича, а его друг-китаец Лувен, подобно Дерсу, обращается к нему «капитан». В образе китаецца видны и другие черты проводника-гольда. Имя Лувен

является слегка измененным именем бога стихий Лун-ван-е, о котором упоминается в книгах Арсеньева. В повести Пришвина есть еще одно любопытное созвучие имен: слово «родина» китаец произносит как «Арсея». Вероятно, «общей родиной» для героев произведения Пришвина являются книги Арсеньева. Отсюда, возможно, происходит созвучие и символическое обозначение родины: «Арсеньев» – «Арсея» – «Россия».

Подробно о жизни и деятельности В. К. Арсеньева можно прочитать в книгах А. И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», И. С. Кузьмичева «Писатель Арсеньев: личность и книги», М. К. Азадовского «В. К. Арсеньев – путешественник и писатель». Автор данной статьи также адресует вас к собственной монографии «Научнохудожественное творчество Арсеньева в контексте развития русской “географической прозы”». А если вам интересен этнографический подтекст его книг, обратитесь к исследованиям И. А. Лопатина «Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские» и С. В. Березницкого «Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона».

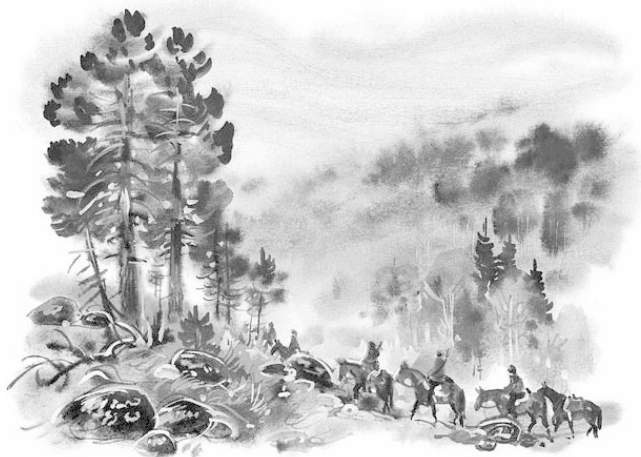
Интерес к чужим землям, народам и их обычаям присущ людям любой эпохи, потому что познание чужого ведет к лучшему пониманию своего. Прекрасный образ далекой восточной окраины России, созданный Арсеньевым, не только пленяет воображение читателей разных стран, но и позволяет глубже постичь тайны своей малой родины, души своего

народа.

*Ю. А. Яроцкая, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы Дальневосточного
федерального университета*

Дерсу Узала

I Отъезд

*План экспедиции. – Состав отряда. – Мулы. –
Питательные базы. – Прибытие Дерсу. – Помощь,
оказанная моряками. – Плавание на миноносцах. –
Прибытие в залив Ольги. – Высадка на берег. –
Горбуша. – Птицы.*

С января до апреля 1907 года я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие.

В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предreshен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45 и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину¹ до реки Уссури.

Организация экспедиции в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков², ботаника Н. А. Десулави, студента Киевского университета П. П. Бордакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего, Г. И. Мерзляков.

Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались

---

¹ Б и к и н – река в горах Сихотэ-Алинь, правый приток Уссури.

² Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук.

те же собаки – Леший и Альпа.

За месяц вперед А. И. Мерзляков был командирован в город Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованных, с крепкими копытами. А. И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Джигит, где и оставить их под присмотром троих стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реках Такеме, Амагу, Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу.

От села Осиновки он поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу³ и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда⁴ из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги он застал какого-то гольда-охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотника, отвечал:

---

³ Ф а н з а – крестьянский дом у китайцев.

⁴ Г о л ь д ы – старое название народа нанайцев.

– Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэхейские⁵ женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-олень⁶, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимой на реке Баку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на

---

⁵ У д э х е й ц ы – старое название народа удэгейцев.

⁶ Пантáч-олень – молодой марал с пантами.

хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало.

3 мая я закончил все свои работы и на другой день распрощался с Хабаровском.

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз в виде опыта зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах⁷. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня с командой в залив Джигит. Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне сэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась быстротой хода миноносцев.

22 июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за пол-

---

⁷ Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».

ночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум: снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал утихать. Часов около десяти с половиной миноносцы были на линии острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит Зеленый остров.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и косатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но косатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Один из спутников стрелял. Два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все косатки сразу исчезли.

В сумерки мы дошли до залива Америка и здесь заночевали. Ночью поднялся сильный ветер и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне⁸. Ближайший к нам миноносец был «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между вол-

---

⁸ Кильватерная колонна – строй кораблей, при котором они следуют один за другим.

нами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед.

Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

– Моя хорошо понимай: его (он указывал на миноносец «Грозный») сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно – ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец. Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я пошел в свою каюту, разделся и лег в постель. Душа моя была спокойна: Дерсу был со мной, зна-

чит, успех обеспечен. Теперь я ничего не боялся. С этими мыслями я уснул.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, в рупор ветром донесло: «Желаем успеха!»

Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней на том основании, что там вследствие постоянного прибоя нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из стрелков пошел за водой и, вернувшись, сообщил, что в устье реки бьется много рыбы.

Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей.

Горбуша еще не имела того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я

распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за ней. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника. Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветви деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында водятся пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше здесь их было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

II

Пребывание в заливе Джигит

Староверы. – Таинственные следы. – Золотая лихорадка. – Туман. – Потерянный трофей. – Бессонная ночь. – Случайная находка. – Стрельба по утке. – Состязание. – Выстрелы гольда. – Сказка о рыбаке и рыбке. – Мнение гольда.

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А. И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов⁹ и многих называли по именам.

– Должно быть, вы раньше встречали друг друга? – спросил я старика.

– Как же, как же, – отвечал старовер, – я давно знаю Дерсу. Он был молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на реке Даубихе, в деревне Петропав-

---

⁹ Т á з ы – коренной малочисленный народ Уссурийского края.

ловке, а на охоту ходили на реку Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Косозубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами – Зеленый Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй – чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят.

Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Естественно, что разговор перешел на тему об их переселении на новое место.

– Жили мы раньше, – говорил старовер, – около Петропавловского озера, на реке Амуре. Назвали мы так это озеро потому, что пришли к нему как раз в день Петра и Павла. Но недолго нам пришлось сидеть на одном месте. Кругом болота, мошка... Тогда мы перешли на реку Даубихе и здесь основали деревню Петропавловку. Жилось там хорошо, пока не пришла шуга.

– Какая шуга? – спросил я.

– Переселенцы, – просто отвечал он, – хохлы, «саратовские», запасные солдаты из Владивостока, мастеровые и прочие. Мы их шугой зовем.

– Отчего же вы их так не любите?

– Да, видишь ли, разврат они приносят, пьянство, кражи, ругань, ссоры, лень. Ну, крали бы друг у друга, дрались бы между собой. Так нет, начали и нас туда же втягивать. Пошли жалобы, волостные и мировые судьи – просто беда! Отродясь не было у нас завода, чтобы по судам таскаться. Вот старики и задумали уйти от греха подальше и переселились на реку Судзухе¹⁰. Там в вершине была фанза Юнбеши¹¹. Там мы и поселились. Первый туда переехал Батюков, а за ним потянулись и остальные. Новая деревня тоже стала называться Юнбеши, а когда переселенческое начальство потребовало переименовать деревню по-русски, мы назвали ее Батюково, по фамилии первого засельщика. На Судзухе прожили мы хорошо лет пять. Смотрим – опять шуга идет. Начальство приказало не мешать им. Мы мешать-то не мешали, но и помогать не помогали. Так прожили мы с новыми соседями три года. Наконец невтерпеж стало. Поверишь ли, в поле ничего нельзя оставить: плуг оставишь – украдут, коня – уведут, корову – зарежут, сено из зародов и то стали воровать. А кроме того, с приходом людей начались лесные пожары, зверь отдалился; стали переселенцы перегораживать реку и не пропускать к нам рыбу. Терпели мы, терпели да и

---

¹⁰ С у д з у х е (Су-цзы-хе) – река, где растет маслянистое растение су-цзы (авт.).

¹¹ Ю н б е ш и (Юн-бэй-ши) – драгоценный камень. Юн – белый, с черными прожилками (авт.).

решили искать новые места. Послали ходоков на север. Они обошли весь морской берег и облюбовали Джигит. Вот мы и переехали.

– Ну, а если и сюда придут эти переселенцы? – спросил я.

– Тогда мы дальше пойдем. Из-за этого мы и хороших домов не строим. Мы уже вперед знаем, что более пяти лет нам не прожить на одном месте.

– Да ведь это разорение – переезжать с места на место?!

– Зачем разоряться?! Дома-то и все недвижимое у нас те же переселенцы скупают.

– Зато приходится каждый раз целину подымать для пашен. А это стоит и денег и труда.

– Мы землю-то мало пашем, – отвечал старовер, – только хватило бы хлеба до конца лета. Зато вдали от жилых мест мы охотничаем и знатно соболюем. Ну, есть и другие заработки.

– Какие же? – спросил я его.

– Да разные, – отвечал он, – смотря на что урожай будет. Жить здесь в краю можно хорошо, лишь бы подальше от людей, – места привольные, земли много, рыбой хоть пруд пруди, зверя много, лесу много. Чего еще надо? Знай работай, не ленись. Надо присмотреться, что есть и что можно взять...

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

– Хороший он человек, правдивый, – говорил старовер. –

Одно только плохо – нехристь он, азиат; в Бога не верует, а вот поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет? У него души-то нет, а пар.

– Да то же, что со мной и с тобой, – ответил я ему.

Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня со стрелками сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

– Ты куда? – спросил я его.

– На охоту, – отвечал он. – Моя хочу один козуля убей – надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал – шесть есть.

«Не душа, а пар», – вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту, но этим я доставил бы ему только огорчение – и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого из людей нашего отряда и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солда-

там, другую – староверам, третью – китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.

– Нельзя, – возразил Дерсу. – Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай – грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские – четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из ночующих сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, во-

прос решился бы не в их пользу. Мы усмотрели бы в них хунхузов¹². Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались распросы, из которых выяснилось следующее.

В городе Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и легкое обогащение бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдorado. Золотая лихорадка охватила всех – и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, измученные люди бродили по горам в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в тайге и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла

---

¹² Х у н х у з ы – участники шайки бандитов, грабителей.

искать золото в какой-нибудь распадок¹³, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития.

Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дожидаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Это время я использовал на съемку заливов Джигит и Рында.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощей травой, кустарниками леспедыцы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы.

Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе.

---

¹³ Р а с п а д о к – местное название узкой долины.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь все шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежа-

щее на земле дерево, то куст лозняка, пенёк, кочка или ещё что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменял направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна: сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Часа два ещё я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз.

Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный се-

ровато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; травы и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво пролетела наискось через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.